

ЮЖНОПСКОВСКИЕ ГОВОРЫ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Статья посвящена вопросам изучения южнопсковских говоров. В работе привлекаются неопубликованные данные псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива для решения проблем культурно-исторического и языкового своеобразия псковско-белорусской этноконтактной зоны.

Ключевые слова: этноконтактная зона, диалектный и фольклорно-этнографический архив, электронная библиотека текстов регионального характера.

N. V. Bolshakova

SOUTH PSKOV DIALECTS IN THE CONTEXT OF PROBLEMS OF LINGUISTIC GEOGRAPHY AND ETHNOLINGUISTICS

The article addresses the issues of the South Pskov dialects study. The author of the article involves the unpublished data of the Pskov dialect and folklore and ethnographic archive for the solution to the problems of cultural, historical, and language originality of the Pskov-Belarus ethnocontact zone.

Key words: ethnocontact zone, dialect and folklore and ethnographic archive, electronic library of regional texts.

Говоры юга Псковщины в системе современного культурно-исторического и диалектного зонирования. Понятие «псковские говоры» формировалось на протяжении длительного периода и в его современном облике сложилось в связи с составлением Псковского областного словаря (далее — ПОС) и сосредоточенной вокруг этого лексикографического труда научной сферой. Псковские народные говоры в своей основе воплощают результат развития древнепсковского диалекта, исторически связанного с исконной территорией древней Псковской земли, что в системе зонирования современных псковских говоров получило название историко-культурной зоны Псковского ядра. Зонирование Псковской области, проводимое исследователями по различным основаниям, показывает неоднородность псковского этнокультурного и языкового пространства.

При самом общем подходе к выделению диалектных зон Псковской области противопоставляются север, центр и юг. При большей частоте таксономической сетки классификация на основе физико-географического принципа позволяет выделить семь регионов (зон): Нижневеликорецкий, Северный, Средневеликорецкий, Северо-Восточный, Восточный, Юго-Восточный, Южный [1, с. 684]. Выделяемые по данным фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской консерватории культурные зоны распространения различных фольклорных традиций и явлений во многом совпадают с историко-культурными зонами, однако эта классификация содержит большую дробность применительно к отдельным районам (Безжаницкий, Великолуцкий, Островский, Пустошкинский). Кроме того, «самостоятельному рассмотрению подлежат традиции в районе бассейна реки Шелони – Порховский, Дновский, Дедовичский районы — в связи с их переходным характером и тяготением к новгородским культурным традициям, а также и Усвятский район, местные традиции которого нельзя рассматривать без учета сложного комплекса псковско-смоленско-белорусских этнокультурных связей» [2, с. 12].

Специфика юга Псковщины связана с тем, что эта территория, к которой относятся 4 района целиком (Невельский, Пустошкинский, Себежский, Усвятский) и 2 района частично (Новосокольнический, Великолукский), составляет пограничную зону с Белоруссией. Историко-культурное значение границы, выделяющей в настоящее время с севера южнопсковские говоры, по свидетельству историков и археологов, состоит в том, что она в разное время совпадала с границами древнейших археологических культур, а сам южнопсковский ареал «сохранил самые древние следы человеческой культуры на территории области» [3, с. 597]. В XI–XIII вв. здесь же прошли границы Смоленского и Полоцкого княжеств, в XIV–XVII вв. — Великого княжества Литовского, позднее Польско-Литовского государства, Речи Посполитой, Псковского феодального княжества (1348–1510 гг.). «Неоднократное совпадение в одном и том же ареале разных типов культурных и политических границ веками укрепляло и стабилизировало южную границу» историко-культурной зоны Псковского ядра [4, с. 47].

Итак, граница, отделяющая сейчас южнопсковские говоры от центральных, собственно псковских, говоров формировалась на протяжении длительного периода как культурно-исторический рубеж, и до сих пор память местных жителей хранит отголоски давней истории.

Факты истории Белоруссии (имеется в виду вхождение этой территории с XII в. в состав Великого княжества Литовского, а с середины XVI в. до конца XVIII в. — нахождение в составе Речи Посполитой) и белорусского языка сказались и на всем комплексе существования упомянутых территорий современной Псковщины, т. к. Себежский, частично Невельский и Усвятский районы вместе с территорией северной и северо-восточной Белоруссии переживали общие исторические процессы.

Для образца мы взяли порубежную территорию Себежа, на примере которой можно показать, как в течение почти полутора столетий Себеж с прилегающей к нему территорией менял свою административную принадлежность. После первого раздела Речи Посполитой и присоединения к России земель вокруг Полоцка (с 1773 г.) Себежские земли принадлежали Полоцкой провинции Псковской губернии, а через несколько лет вошли в число 11 уездов Полоцкой губернии. В 1802 г. Себеж стал центром Себежского уезда Белорусской губернии, затем Себеж — в составе Витебской губернии. И только в апреле 1924 г. Себежский уезд снова вошел в состав Псковской губернии, которая вскоре была упразднена (1927 г.), и Себеж вместе с Невелем и Усвятами были переданы в Великолукский округ Ленинградской области, который в 1929 г. был включен в состав Западной области с центром в г. Смоленске. Далее Себежский район — в составе Калининской области, с 1944 г. — в составе созданной Великолукской области. С 1953 г. в связи с упразднением последней Себежский район находится в современных границах Псковской области, являясь ее административной единицей.

В новое время, начиная с 1991 г. (Декларация о государственном суверенитете Белоруссии была принята 27 июля 1990 г.), территория псковско-белорусских языковых и культурных контактов разделена государственной границей.

Таким образом, историко-культурный и языковой ландшафт псковско-белорусского пограничья представляет собой особое, можно сказать, уникальное явление и отличается от, например, смоленско-белорусского пограничья, где говоры, по данным П. А. Расторгуева [5, с. 184, 203 и др.], являются в своей основе белорусскими и пережили последующую русификацию.

Псковско-белорусское пограничье как объект лингвистических и социокультурных исследований. В восточнославянской диалектологии предметом постоянного научного интереса являются пограничные территории, отражающие белорусско-брянские [6; 7; 8; 9], белорусско-смоленские языковые контакты [5; 10; 11; 12]. Об актуальности проблематики свидетельствуют научные конференции, проводимые на контактирующих территориях [13; 14]. Многолетние исследования ведутся на материале Полесского региона (ссылок на литературу не приводим по причине их большого количества).

Специфика южнопсковских говоров как пограничных неоднократно подчеркивалась в работах А. С. Герда, посвященных выделению и характеристике восточнославянских диа-

лектных зон [15 и др.]. Между тем эта составная часть современного псковского диалектного континуума является недостаточно исследованной лингвистами как в системно-структурном аспекте, так и с позиций антропоцентрической научной парадигмы. При общеизвестном уровне развития белорусской диалектологии и славистики в целом севернобелорусские говоры также не были предметом интенсивного лингвистического исследования.

Рассматриваемый регион в последнее 10-летие попадает в поле зрения исследователей, занимающихся вопросами контактов в социолингвистическом и социокультурном аспектах. Так, Ю. Б. Коряков, посвятивший диссертацию языковой ситуации в Белоруссии, касается и особенностей речи в сельской местности, констатируя (в работе приводятся соответствующие цифровые показатели), что северо-восточный регион Белоруссии, в частности Витебская область, является «наименее белорусскоязычным» [16, с. 68]. Эту особенность ранее подчеркивал и А. С. Герд, отмечая, что севернобелорусские диалекты имеют характер, сближающий их с псковско-новгородско-тверским ареалом Верхней Руси [15, с. 13].

Опираясь на новые полевые наблюдения в белорусско-русской пограничной зоне, белорусские историки зафиксировали многочисленные свидетельства выражения особенности локальной идентичности в сознании жителей псковского пограничья: «По определению местных жителей Россонского района Витебской области, белорусы их местности имеют больше сходства с жителями Себежского района, чем с белорусами других областей Беларуси» [17, с. 38].

Белорусские авторы коллективной монографии, посвященной особенностям духовной культуры и некоторым чертам языка белорусского северо-востока, также отмечают слабую изученность языка данной территории, причину которой видят в недостатке экспедиционного лингвистического материала для полномасштабного изучения этого региона Белоруссии [18, с. 24].

В значительной степени этот пробел был устранен после экспедиционных исследований, проведенных в ряде населенных пунктов псковско-белорусской пограничной территории (Невельский район Псковской области и Городокский и Полоцкий районы Витебской области) группой диалектологов Института русского языка 2003–2006 гг. и выхода в 2008 г. большой коллективной статьи [19]. «Цель этой работы, — пишут авторы, — методом лингвистической географии выделить особый диалект, объединяющий говоры указанных территорий, и дать описание фонетики, основных фрагментов систем словоизменения, акцентуации и лексики некоторых наиболее типичных для этого диалекта говоров» [19, с. 118]. Выполняя эту цель, т. е. основываясь на рассмотрении комплекса языковых признаков сопредельной территории, авторы подтверждают отмечавшееся ранее единство исследуемого фрагмента псковско-белорусского лингвистического пространства и отсутствие резких внутренних границ. В ходе проведенного анализа, опираясь на данные лингвогеографии и на основе собственного полевого обследования, авторы приходят также к заключению о псковской основе рассмотренного диалектного континуума. В работе очерчен однородный по ярким языковым маркерам ареал, южная граница которого проходит приблизительно по Западной Двине. Северную границу, проходящую по территории Псковской области, авторы трактуют как позднюю, сформировавшуюся под воздействием историко-культурных процессов [19, с. 163–165].

Роль новых источников в атрибуции границ южнопсковских говоров. В своей работе по изучению этноконтактной псковско-белорусской зоны мы привлекаем данные Псковского областного словаря и его картотеки, но, кроме того, многочисленные тексты, в том числе и аудиозаписи, содержащиеся в псковском диалектном и фольклорно-этнографическом архиве.

Если в целом охарактеризовать объем этого архива по материалам только южнопсковских районов, то он содержит более 200 часов аудиозаписей и сотни тетрадей рукописного фонда как результат фольклорных экспедиций, которые систематически организуются в Псковском государственном университете с 1977 г. Содержание записей довольно разнообразное, в первую очередь это, конечно, обрядовый фольклор, в том числе песенный, причем наиболее ранние аудиокассеты фиксируют преимущественно записи традиционного песенного фольклора. Но по мере улучшения материального оснащения экспедиций архивный фонд стал содержательно расширяться и в настоящее время включает довольно

большой объем речевого материала. Если фольклорная составляющая получила частичное описание (период с 1977 по 1993 гг.) в составленном по данным архива указателе фольклорных материалов [20], то диалектные тексты не введены в научный оборот, не имеют жанровой характеристики (ее типология еще и не разработана), материалы не подвергались какому-либо системному лингвистическому исследованию.

Настоящая работа имеет целью показать возможности привлечения материалов псковского архива к постановке этнолингвистических проблем (а в дальнейшем, возможно, и более широкого круга вопросов) на основе данных говоров рассматриваемой пограничной территории. Программа осуществляемых работ по введению в научный оборот архивного материала связана с созданием на его основе электронной базы данных, формирование которой призвано систематизировать материал с учетом ряда параметров: хронологических, территориальных, жанрово-тематических, в том числе и проработку малоизученной проблемы типологии жанров диалектной речи [21].

В настоящее время материалы Себежского района (сканированный рукописный фонд и оцифрованный аудиофонд) выбраны в качестве экспериментальной площадки для отработки принципов создания электронного варианта псковского архива с распространением опыта на другие его фрагменты. Публикация результатов работы может быть осуществлена по их завершении.

Речевой архивный материал наглядно показывает, что территория проживания диалектоносителей осознается ими как особая: *Себежане — себежские. Скабари живут за Себеж. Псков — Скабаристан. Пскафчанска нация. Разговор другой ф таких селах. На «ц» гаварят. Себ.; Скабари — Идрица; там скабарье. Знаешь, как разгаваривают: «Карова еде и реве». Нательная рубашка завут станухуй. У нас рубашка — у них стануха.* Себ.

История региона находит отражение в устных рассказах местных жителей: *Вот граница у нас прашла здесь на реке Веть. Вот за речкай Веть скабари живут, а в Томсине, как стали называть, — паляки, рас пад паляками жыли.* Себ.

Этнонимы *скобари* и *поляки* зафиксированы и в картотеке ПОС. Описание диалектоносителей не противоречит данным этнолингвогеографии, согласно которым южная граница историко-культурной зоны Псковского ядра отчетливо отделяет южный ареал в системе зонирования современных псковских говоров. По наблюдениям А. С. Герда, «к северу от Пустошки живут *скобари*, к югу — *поляки* и *кацаны*». Среди иллюстративного диалектного материала, приводимого автором из картотеки ПОС, есть высказывание, записанное также в Себежском районе: *Вод за эту реку называюца скабари.* [22, с. 120]. Можно допустить, что в разных, независимых друг от друга, источниках в качестве маркирующего границу этноконтактной зоны гидронима выступает один и тот же объект — река Веть. Географические противоречия здесь исключены, т. к. деревня Томсина, как и река Веть, находятся на самом севере Себежского района, граничащего с Опочечким районом Псковской области. Как видим, современный диалектный речевой материал почти документально поддерживает историко-археологические и этнографические данные о границе южнопсковской зоны.

Маркируют территорию также и микротопонимы, получающие в диалектном тексте локативную интерпретацию: *Деревня Марозафка стоит рядом с Томсина, где жыл памешшык, а разделяет эти деревни только адна канафка, каторая так ы называюцца Панская канава, патаму што там пан жыл.* Себ.

Топонимические легенды — жанр, еще не получивший достаточного освещения в литературе, а между тем в устных преданиях содержится информация (в прямом или скрытом виде) о реальных исторических событиях, этнокультурных, конфессиональных особенностях, см., например, высказывание о местной мотивации названия деревни Костелище: *Деревня наша так называецца патаму, што ране был у нас касьтел, апасля правалился пад землю с людями вместе.* Себ.

«Смешение» как лингвокультурологический концепт. В последние годы, для которых характерным в науке становится стремление к комплексному, интегрированному объяснению

окружающего мира и человека в нем, лингвистика объединяет свои усилия с другими, смежными областями знания.

Для диалектологии особенно важны достижения археологии, этнографии. Так, монография [23] стала результатом совместного изучения культуры русско-белорусского пограничья, проводимого с 2000 г. белорусскими и российскими исследователями. В работе на примере пограничного региона показано своеобразие и переходный характер культурных особенностей пограничья, а также сделаны теоретические выводы по проблемам особенностей идентичности и культурной специфичности населения приграничных районов. Наряду с другими в указанной книге освещаются вопросы самоидентификации жителей псковско-белорусской пограничной территории, называемой Поозерьем.

Этническая идентичность рассматривается как осознание своей принадлежности к определенной этнической группе, отождествление себя с представителями своего этноса [23, с. 71]. В частности, авторы устанавливают различия в обосновании мотивов выбора своей идентичности жителями белорусской и русской стороны. Если для русских основанием называется национальная принадлежность родителей, то белорусы отождествляют свою национальную принадлежность с государственной, например: *Мне нравится Беларусь, и я счастлив, что здесь родился* и под. [23, с. 81].

При рассмотрении вопроса самоидентификации следует, по-видимому, согласиться с взвешенным подходом Ю. С. Корякова, который пишет, что «многие исследователи целиком уповают на мнение носителей. Однако мнение разных носителей может не совпадать между собой; это мнение легко меняется под воздействием внешних факторов и пропаганды...» [16, с. 10].

На фоне пестроты ответов о национальной принадлежности выделяются такие, которые подчеркивают локальную специфику региона: *Мы белорусы, но мы не настоящие белорусы, мы люди пограничья; Мы не считаем себя сугубо белорусами, мы мешанцы, интернационалисты* [23, с. 77].

Понятие смешения как концептуально значимое для данной территориально-культурной и языковой общности прослеживается и в псковском диалектном материале. Так, в ПОС отражены лексемы, зафиксированные в пограничных южных, иногда западных районах Псковщины, номинирующие лиц по национальному признаку: *мешáники, мешáнцы* (мн. ч.) — о живущих в одном месте людях разных национальностей: *Здесь такие мешаники, дай боже*. Вл.; *Там [на границе с Латвией] руськии были и латышы, мяшанцы*. Кр. [24, с. 205].

Корень *меш-* лежит в основе названий лиц, соответственно мужчины и женщины, у которых родители разной национальности — *мешáнец, мешáнка*: *Мать русская, отец хахол, вот ы гаварят мешáнка или мешáнц*. Пуст.; *А ты мешанка, палавина хахолки, палавина кацапки*. Кун.; *Можэ, мешáнец какой, а не проста еврей*. Нев.

Содержание последнего высказывания отражает еще одну особенность южнопсковского региона, в котором значительную часть до сих пор составляет еврейское население. Отметим, что в текстах, которые мы привлекаем из архива, информанты нередко указывают свою национальную принадлежность (что обычно не фиксируется в других псковских историко-культурных зонах): *Жыла в деревне Магорево, километраф двянаццать. Русская. Не яврейка*. Себ. В этом же районе в качестве самопрезентации информант рассказывает о себе: *Мая родина Альхóвец. Это туда итти, за Шеклакí. Жыли мы в Альхóфце, а замуш я вышла в Заблудóво. Русская я, не мешонка, чиста русская*. Себ. Существенно отметить, что в ПОС слово *мешенка* в таком значении не зафиксировано, оно употребляется для наименования кушанья из толокна, густо замешенного на воде или молоке, либо как название пойла для скота [24, с. 209].

Адъектив *мешаный*, вар. *механый* [24, с. 206], с которым соотносятся на основе производности рассмотренные существительные, содержит в своей семантической структуре значения, связанные с этнической неоднородностью, правда, отсылает к западной границе Псковщины — ‘человек, у которого родители разной национальности’: *Мать-та латышка,*

он мешаный, па-латышкі моги́т. Палк.; ‘вступивший в брак с человеком другой национальности’: *Мы ф такой меснасти жы́вем, што фсе механыи. И мая дочка латышка, а вышла замуи за рускава*. Печ. Актуален для южнопсковских говоров и глагол *меша́цца* ‘соединяться с чем-н. другим, смешиваться (о языке, говоре)’: *Нашы старики большы у биларускаму уаварили. Таперь разуагор мяшаицца*. Себ. *И биларусский язык и русский мяшаюцца*. Себ. [24, с. 209].

Таким образом, смешение как культурно детерминированный концепт репрезентирован в диалектной речи пограничья лексемами, синтагматически связанными с наименованиями проживающих там лиц и взаимодействующих языков, и со всей очевидностью характеризует как этническое, так и языковое своеобразие региона. По данным обследования городокско-невельско диалекта, жители белорусской территории также «считают свой язык русским, добавляя, что он не чистый, а «смешанный» т. к. в нем есть белорусские элементы» [19, с. 120]. Белорусские этнографы, давая обобщенную этнокультурологическую оценку контактной зоны севера Белоруссии, пишут, что «белорусско-русское пограничье отличается многомерностью культурных связей, наличием смешанных форм культуры, которые влияют на процессы этнического самоопределения», а «говоры белорусско-русского пограничья совмещают черты как белорусского, так и русского языка (в понимании местного населения — «смешанный» язык)» [17, с. 75, 58].

К вопросу о содержании понятия смешанных / переходных говоров. В типологии говоров для наименования приграничного языкового единства (в синхронном аспекте) конкурируют два основных термина — переходные говоры и смешанные говоры, каждый из которых имеет в диалектологии свою историю развития и употребления [25]. Применительно к южнопсковским говорам преимущественно используется термин переходные говоры как в российской, так и в белорусской диалектологии, однако критерии выбора термина, а главное дифференциальные признаки самого типа говоров продолжают оставаться предметом научной дискуссии.

Некоторые итоги. Привлечение неисследованных материалов псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива к решению узловых вопросов далеко не только регионального характера представляется актуальным. Тем более что, как справедливо отмечает А. С. Герд: «Основанием для выделения разных типов говоров являются достижения русских полевых диалектологов и лингвогеографов, для которых Псковская обл. в течение уже почти столетия служит своеобразным полигоном методов и приемов русской диалектологии» [4, с. 46].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что обзор отдельных, но базовых лингвогеографических и особенно этнолингвистических проблем на материале псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива позволяет выделить его на одну из ведущих позиций (наряду с картотекой ПОС и самим словарем) по изучению псковских говоров. Работа с архивным источником, пока его материалы не опубликованы, затруднена даже для самих хранителей. Поэтому, наряду с обеспечением сохранности фондов, в лаборатории региональных филологических исследований Псковского государственного университета осуществляется программа по созданию электронного варианта рукописного архива и аудиоархива с возможностью поиска данных по заложенной в архиве системе признаков. Исследование и связанные с ним задачи публикации осуществляются в рамках научно-практического проекта по созданию электронной библиотеки текстов, организованной по тематическому принципу. Материалы первых из созданных электронных баз данных на основе сборников текстов устных рассказов о войне, текстов традиционного детского фольклора, псковских сказок в настоящее время размещены на специально разработанном сайте «Язык и культура в коммуникативном пространстве Псковщины» (<http://nocpskoviana.pskgu.ru/index.php>), а сами указанные электронные базы получили государственную регистрацию как результат интеллектуальной деятельности коллектива сотрудников лаборатории (2012 г.). Дальнейшая работа по публикации текстов регионального характера в рамках электронной библиотеки, без сомнения, способна устранить известный недостаток источников по лингвистическому изучению псковско-белорусского пограничья.

Литература

1. Манаков А. Г. Внутриобластные регионы: причины и принципы выделения // Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области. Кадастр / Редакционная коллегия: В. Н. Лещиков, А. А. Андреев, А. И. Гольшев, И. И. Лагунин, Н. К. Вецель. Псков: ПГПИ, 1997. С. 683–684.
2. Мехнецов А. М. Введение // Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из фондов Фольклорно-этнографического центра. В 2 т. Т. 1 / Автор проекта, составитель, научный редактор А. М. Мехнецов. СПб.; Псков: ОЦНТ, 2002. С. 9–22.
3. Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области. Кадастр / Редакционная коллегия: В. Н. Лещиков, А. А. Андреев, А. И. Гольшев, И. И. Лагунин, Н. К. Вецель. Псков: ПГПИ, 1997.
4. Герд А. С. Язык и речь населения Псковского края // Историко-этнографические очерки Псковского края / Под ред. А. В. Гадло. Псков: ПОИПКРО, 1998. С. 46–53.
5. Расторгуев П. А. Говоры на территории Смоленщины. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
6. Новопокровская В. Н. Из истории говоров, переходных от белорусского языка к русскому. Минск: Минский ГПИ им. А. М. Горького, 1975.
7. Батожок Н. И. Брянские говоры в восточнославянском диалектном ландшафте: пространственные и временные параметры. СПб.: Образование, 1994.
8. Пронченко С. М., Мухина М. А. Фольклор и язык Российско-Белорусского пограничья // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 6 (2) Филология. Нижний Новгород, 2011. С. 553–557.
9. Седойкина С. В. Наименования лиц в брянских говорах: семантика, словообразование, ареальные связи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2011.
10. Манаенкова А. Ф. Русско-белорусские языковые отношения: На материале русских говоров Ветки. Минск: БГУ, 1978.
11. Прохорова С. М. Синтаксис переходной русско-белорусской зоны: ареально-типологическое исследование / Науч. ред. П. П. Шуба. Минск: Университетское, 1991.
12. Прохорова С. М. Проблемы языковой переходности в свете синтаксических данных // Исследования по славянской диалектологии. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1998. С. 358–361.
13. Российско-белорусско-украинское пограничье: аспекты взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства — история и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. г. Новозыбков, Брянская обл., 21–22 октября 2010 г. Брянск: БГУ, 2010.
14. Российско-белорусско-украинское пограничье: 25-летие экологических и социально-педагогических проблем в постчернобыльский период: сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Новозыбков, Брянская обл., 26–27 апреля 2011 г.) / Ред. кол. В. Н. Пустовойтов, С. Н. Стародубец. Брянск: БГУ, 2011.
15. Герд А. С. К реконструкции древнерусских диалектных зон: Верхняя Русь (к понятию «Русский Север») // Псковские говоры и их носители (лингвоэтнографический аспект). Межвузовский сборник научных трудов / Редакционная коллегия: Л. Я. Костючук (ответственный редактор), Н. В. Большакова, А. С. Герд, Т. А. Пецкая. Псков: ПГПИ, 1995. С. 12–15.
16. Коряков Ю. Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2002.
17. Григорьева Р. А., Касперович Г. И. Население белорусско-русского пограничья: демография, язык, этническая идентификация. Минск: Право и экономика, 2004.
18. Белорусское Поозерье: язык и духовная культура / Под ред. А. М. Мезенко, А. В. Русецкого. Минск: Белорусская наука, 2001.
19. Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. Говоры белорусско-русского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008. С. 118–179.
20. Фольклор Псковской области: Указатель материалов фольклорного архива ПГПИ: В 2 ч. / Составитель Г. И. Площук. Псков: ПГПИ, 2003.
21. Большакова Н. В. К проблеме жанров диалектной речи // Лексикология. Лексикография: (Русско-славянский цикл) / Отв. ред. Т. С. Садова; Русская диалектология / Отв. ред. О. В. Васильева: Материалы секций XLI Международной филологической конференции, 26–30 марта 2012 г., С.-Петербург. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 108–112.
22. Герд А. С. К реконструкции Днепр-Двинской диалектной зоны // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Межвузовский сборник научных трудов / Редакционная коллегия: Л. Я. Костючук

(ответственный редактор), Н. В. Большакова, А. С. Герд, С. М. Глускина, Т. Г. Никитина. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. С. 118–122.

23. Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование: Монография / Отв. ред. Р. А. Григорьева, М. Ю. Мартынова. М.: РУДН, 2005.
24. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 18 / Под ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой. СПб.: СПбГУ, 2006. (ПОС)
25. Большакова Н. В. К вопросу о переходных говорах на территории Псковщины // Лексикология. Лексикография: (Русско-славянский цикл) / Т. С. Садова; Русская диалектология / Отв. ред. В. И. Трубинский: Материалы секций XXXIX Международной филологической конференции, 15–20 марта 2010 г. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 97–101.

Используемые в статье сокращения районов Псковской области

Кун. — Куньинский район

Нев. — Невельский район

Палк. — Палкинский район

Печ. — Печорский район

Пуст. — Пустошкинский район

Себ. — Себежский район.